

Александр Биргер

ГЕНРИХ БЁЛЛЬ последний раз посетил Советский Союз в 1979 году, приехал на десять дней.

Так получилось, что я был свидетелем многих событий, связанных с этим визитом. Свидетелем, повидавшем возможность многое увидеть и многое запомнить, я оказался потому, что мой отец, художник Борис Георгиевич Биргер, был одним из ближайших русских друзей Генриха Бёлля.

НЕ ЖДАЛИ

Для того чтобы понять, почему Бёлль ждал в СССР не очень любезный прием, надо знать некоторые обстоятельства.

Официально Бёлль оставался «прогрессивным» немецким писателем, лауреатом Нобелевской премии, одним из самых востребованных людей в международном Пен-клубе (где он долго был и президентом) — из-за этого, из-за его всемирной славы и значения любого его слова для всего мира ему, видно, и побоялись отказать во выездной визе. Но к тому моменту Бёлль уже успел во многом «привиниться» перед советской идеологией.

Писатель резко выступил в ряде статей и заявлений против ввода советских танков в Чехословакию. Судить о том, что произошло при подавлении «пражской весны», он мог как никто, потому что его угораздило оказаться в Праге как раз в момент вторжения войск Варшавского договора. Возможно, человечность позиции Бёлля оказалась добавочным оскорблением для наших идеологов. В одном из очерков об увиденном Бёлль писал, как ему жаль русских солдат, втянутых в эту грязную историю ни за что ни про что, приволил много фактов, каким шоком оказалось для рядового армейского состава обнаружить с рассветом, что они не на «маневрах», как им объявляли, а в роли захватчиков в чужой стране.

Рассказывал Бёлль и об известных ему случаях самоубийств среди советских солдат. Среди многих, из-за чего точно с зуб на Бёлля, можно припомнить и такой факт: в бытность Бёлля президентом международно-го Пен-клуба начальство Союза писателей всячески обижало и ущемляло его, с тем чтобы он согласился принять Союз писателей в Пен-клуб «коллективным членом», то есть чтобы каждый принятый в Союз писатель одновременно получал бы и членство в Пен-клубе, а всякий исключенный из Союза писателей — автоматически терял бы. Бёлль даже не с возмущением, а с большим удивлением отверг этот бред, после чего многие писательские (и, кажется, не только писательские) «тузы» затаили на него лютую злобу.

Бёлль утешил интересы писательской мафии не только тем, что отказался всем скопом зачислиться ее в члены Пен-клуба. Довольно резко обесчелование с Союзом писателей и с ВААП произошло у Бёлля при участии Константина Богатырева, его близкого друга, замечательного писателя, человека и правозащитника. Богатырев был убит при очень запутанных обстоятельствах, и Бёлль собирался посетить его могилу. Смерть Богатырева связывали с его правозащитной деятельностью. Но был и еще один момент. Незадолго до смерти Богатырев провел тщательный анализ русских переводов Бёлля (насколько помнится, по просьбе самого Бёлля — но это надо бы уточнить у истинных любителей Бёлля) и своественное участие в этой истории) и одних только грубейших искажений и переиначиваний авторского смысла набрал на «сорос» страниц убоищенного текста! Так, в результате этих искажений «Глазами клоуна» превратился из антилиберального романа в антиреволюционный, атеистический, а ряд других произведений вообще оказался вывернутым наизуанку.

Бёлль был в ярости и потребовал, чтобы его вещи в таком виде больше в Советском Союзе не издавались. Естественно, это требование автора выполнено не было, но крови нашим чинашам это объяснение с негодующим Бёллем попортить немало. Не говоря уж о том, что скандал получился международным и сильно повредил репутации «советской школы перевода — самой лучшей и профессиональной школы в мире» (что, кстати, было близко к истине), хотя дело касалось переводов классики и идеологически безвредных вещей). Многие авторы стали опасливо приглядываться: а не слишком ли уродуют их в советских переводах.

Надо учитывать, что к работе не только с «идеологически скользящими», но и вообще с живыми западными авторами советское государство старалось допускать переводчиков, в которых было «уверено». То есть переводчики проходили тот же отсев, как и все другие граждане, которым по ролу деятельности приходилось общаться с людьми за западного мира. Исключения были редки.

Простым требованием соблюдать уважение к авторскому тексту Бёлль и Богатырев поспешили на основу основ системы, которая подлаживалась очень многое, в том числе и полный контроль над общением с западными людьми и над тем, в каком виде западные идеи должны доходить до советских людей.

Когда писатели и переводчики начинают жить по законам спецслужб (а главное — по законам «менекнатур») и то пути разрешения проблем они выбирают те, которые свойственны спецслужбам. И то, что Бёлль объявлял во всеуслышание: одна из основных целей его приезда в Советский Союз — поблизиться к могиле Константина Богатырева и поклониться праху одного из лучших друзей, не могло не вызвать озабоченности.

Перечисленного вполне достаточно, чтобы дать понятие об общем фоне, на котором Генрих Бёлль, его жена Анна-мари, их сын Раймонд и жена сына Гайде сошли с самолета в международный отдел аэропорта «Шереметьево» в понедельник 23 июля 1979 года.

Нам, встречающим, была видна таможенная стойка, за которой проходил багаж семьи Бёллей. Это был настоящий «шмон» с несколькими парадоксальными результатами. У Бёлля изъняли последний, который он читал в дороге, номер журнала «Шпигель» с фотографией Брежнева на обложке, заключив, что раз есть фотография Брежнева, значит, в журнале наверняка напечатано что-то анти-советское, но не заметили и пропустили только что вышедшую на немецком языке книгу Льва Копелева — одного из запрещенных тогда авторов.

Бёлли остановились в новом здании при гостинице «Националь», и, немного передохнув, отправились на ужин, который в их честь устроили московские друзья. Ужин проходил у очень славной немолодой женщины, которую все называли Мишка. Насколько я понял из разговоров, она была этническая немка, пришла в лагерь, а к тому времени стала активной участницей русско-немецкого культурного моста, главными архитекторами которого были Бёлль и Копелев, оба ее большие друзья.

Этот текст лег в основу немецкого документального фильма «Генрих Бёлль: под красной звездой», где Алексей Биргер выступил в роли «свидетеля». Премьера фильма на немецком телевидении состоялась 29 ноября 1999 года, а в Москве фильм могли увидеть в Доме кино 13 декабря 1999 года — он был представлен от Германии на кинофестиваль «Штаутгарт».

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В СССР

Рассказ о том, как Генрих Бёлль приехал к нам в 1979 году

Возник разговор и о том, что Генриху Бёллю, тогда уже тяжелою диабетиком (и не только диабетиком — диабет был лишь одним, хотя и главным, «цветком» в большом букете болезней, лекарства от которых порой взаимноисключали друг друга), нужно соблюдение строгой диеты, а также обязательная привязка во времени между приемом пищи и приемом лекарств, как это бывает у диабетиков, находящихся на инсулиновых уколах. Семья Бёллей не то что усомнилась, но спросила, смогут ли Генриху обеспечить такое питание в гостинице или нужно позаботиться о страховочных вариантах?

Уже на следующий день кое-какие планы пришлось корректировать, потому что стало очевидно, что власти всерьез стремятся продемонстрировать Бёллю недовольство его приездом и его планами, и кругом обещания, намеченными на этот приезд, и прибегают к довольно сильному психологическому нажиму, порой больше похожему на психологический террор. С самого утра семью Бёллей «вели» открыто, открыто стараясь, чтобы Бёлли «стали свежее». Черные монастыри, машины с торжашками и навешанными на их сторону антеннами (чтобы не было никаких сомнений, что все разговоры подслушивают и записываются) постоянно вертелись рядом. Мы поехали в Исаимовку, в мастерскую отца, где Бёлль очень внимательно просмотрел картины, которых еще не видел. Бёлль поражаал алумчивостью и сосредоточенностью, когда вглядывался в очередное полотно, каким-то даже не погруженным в мир живых вещей, а развороченным в этом мире, глубинным проникновением в образы художника. В такие минуты его сходство со старым музеем вожаким слонового стада становилось еще очевиднее.

Из мастерской мы поехали обедать в квартиру отца на «Маяковской», решив после обеда немного прогуляться по Садовому кольцу, а оттуда двинуться за Таганку, посмотреть Крутицкий теремок и Андроников монастырь. Машины сопровождали нас все время, дежурили под окнами, когда мы обеды, а когда мы шли по Садовому кольцу, чтобы у площади Восстания (ныне Курдирской) свернуть к Пресне, вдоль края тротуара рядом с нами очень медленно ползла черная «Волга» с выдвинутыми и направленными в нашу сторону антеннами. Эта извещательская наглая слежка сделалась настолько невыносимой, что вдруг Владимир Войнович, бывший с нами с самого утра, вообще человек, ставший сдержанным, резко обрвал свой разговор с Бёллем, подскокил к «Волге», рыком открыл ее дверцу и стал кривить сидевших в ней на чем свет стоит, крича, что это позор для всей страны и как им не стыдно. Все слегка оторопели, а потом нам с отцом удалось оттащить Войновича от машины. Надо сказать, люди в машине все это время сидели, не шелохнувшись и не глядя в нашу сторону.

Провокации шли по нарастающей, и характерный пример — как все усугубляло неприятности с необходимыми для Бёлля диетическим и режимным питанием. В первое же утро Бёлль почти час, что называется, «промириновали» у входа в ресторан «Националь», а потом нам с отцом удалось лицезреть пустой зал и слышать, что столики еще не готовы и поэтому их не могут обслужить. Надо отметить, что перел тем как спуститься к завтраку, Бёлль принял свои лекарства и сделал инсулиновый укол. Так что делю могло кончиться плохо в первые же сутки пребывания Бёлля в Москве.

В какой-то момент к Бёллю подошел человек и обратился к нему по-немецки, сообщив, что он тоже постоялец гостиницы, и спросил, не обидится ли он, узнав знаменитого писателя. Бёлль ответил, что его собеседник не ошибся, и объяснил свою ситуацию. «О, так вы еще не знаете значение поразительного примера — как все усугубляло неприятности с необходимыми для Бёлля диетическим и режимным питанием. В первое же утро Бёлль почти час, что называется, «промириновали» у входа в ресторан «Националь», а потом нам с отцом удалось лицезреть пустой зал и слышать, что столики еще не готовы и поэтому их не могут обслужить. Надо отметить, что перел тем как спуститься к завтраку, Бёлль принял свои лекарства и сделал инсулиновый укол. Так что делю могло кончиться плохо в первые же сутки пребывания Бёлля в Москве.

Тут как раз подоспел Копелев, с первого взгляда понявший ситуацию и забравший Бёллей с собой.

Подобное разложение в системе «Интурист» наблюдалось на каждом шагу. Работники этой сферы вымогали деньги и взятки в любой форме, где только можно, нападая на стран, перед которыми «органам» перед возможностью нарваться на передетого сотрудника КГБ — за вымогательство у иностранцев попавшегося могли взгреть так, что ему бы долго икалось.

Так, семья Бёллей собиралась посетить Владимира и Сузаль, а для этого надо было получить особое разрешение. К даме, ведающей выдачей этих разрешений, Бёлль пошел в сопровождении Копелева. Даме хмуро буркнула, что разрешения выдаются за две недели, что еще надо решать, кому их давать, а кому нет, и что вообще у нас сегодня день рождения, она спешит и не может всем этим заниматься. Копелев попросил ее положить пять минут, быстро потащил Бёлля в инвально-летную лавку при гостинице и ткнул пальцем в колготки, флакончик духов и что-то еще. Бёлль закурил, а Копелев, что это надо делал наглой до неприличности взятка и вообще неуловимо дарить женщине такую дрянно от незнакомого человека. Копелев возразил, что все удобно и для нее это дрянно. Через пять минут они вернулись к этой даме, и Копелев с очаровательной улыбкой сказал: «Простите, мы не знали, что у вас день рождения. Но позвольте вас поздравить». Еще через пять минут спешное разрешение на поездку всей семьи Бёллей во Владимир и Сузаль было у них на руках.

ПО ЗОЛОТОМУ КОЛЬЦУ

Отъезд в Сузаль был намечен на утро 29 июля. За оставшиеся до отъезда дни Бёлль полностью осуществил намеченную программу. Он сделал запись беседы с Копелевым для немецкого телевидения (текст этой беседы был опубликован в «Огоньке» перестроечного времени), побывал на двух ужинах в его честь — у Василия Аксенова (где повидать Бёлль собрался литературные круги и, в частности, уже ощутившие первые грозные разряды участники альманаха «Метрополь») и у сотрудницы западногерманского посольства Дорис Шенк, съездив на могилу Богатырева (поднялся оттуда на могилу Пастернака, а потом навестил семью Пастернаков и Ивановых в писательском поселке Песелкино), побывал в Загорске и провел еще несколько встреч — например, мой отец показал ему мастерскую скульптора Сидура.

Все это происходило на однообразно-тягостном и досадливом фоне все той же постоянной слежки и мелких провокаций. Но было тревожно — все яснее вырисовывалось «направление главного удара» этих провокаций — здоровье Бёлля. Несколько раз ему сыпали под различные предлогами возможность поехать после принятия лекарств и инсулинового укола — а ведь такое могло кон-



Лев Копелев и Генрих Бёлль. Владимир. 1979 г.

читься как угодно плохо, вплоть до диабетической комы. Особенно показательной стала поездка в Загорск. Поскольку время приема лекарств и пищи было строго расписано, договорились, что на обратном пути Бёлль, приняв лекарства и сделав укол, остановится победать на даче у Вячеслава Грабара в поселке академиков близ Абрамцево (как раз приблизительно на середине дороги между Загорском и Москвой).

Когда выехали из Загорска, Бёлль по плану принял лекарства и сделал укол, а шофера специальной интуристовской машины попросили завернуть на дачу. Шофер категорически отказался, объяснив свой отказ тем, что Абрамцево выходит за 50-километровую зону вокруг Москвы и поэтому для въезда туда иностранцам тоже нужно специальное разрешение, а у Бёллей разрешение только на Загорск. При всех формальных основаниях в этом отъезде имелись две вопиющие странности: во-первых, о вероятности останова в Абрамцево были предупреждены лица, выдававшие Бёллю разрешение на поездку в Загорск; во-вторых, все дачи кооперативных владельцев в Абрамцево, включая работников вокруг знаменитого Музея-усадьбы Абрамцево расположенных в поясе от 52-го до 56-го километра, и никогда (в случаях с другими иностранными гостями) не обращала внимания на незначительное превышение 50-километровой зоны.

Концов этой поездки превратился в полный кошмар. Бёллю в машине стало становиться все хуже и хуже, он был в состоянии, близком к потере сознания, его с трудом довели до места, где можно было остановиться и перекрестить.

Повторение таких эпизодов из раза в раз само по себе настораживало и вызвало самые серьезные опасения. Сопровождавший Бёллей во Владимире и Сузале должны были мой отец, жена отца Наташа и я. Я говорю «во Владимире и Сузале», а не «во Владимир и Сузаль», потому что ехать вместе с ними мы не могли. По правилам иностранного гостя, получивший разрешение посетить какое-то достаточно далекое от Москвы место, должен был, если не летел самолетом и не перемещался в специальной машине, оплатить туда и обратно отдельное купе в скором поезде — «интуристовское» купе, по «интуристовским» ценам, совершенно непохожим на обычные. И еще вступать в личные контакты во время пути к месту, на посещение которого у него выдано разрешение. В силу всех этих причин совместная дорога была нам заказана. Поэтому мы отправились во Владимир на электричке.

Было воскресное утро, электричка была битком забита первой сменой покидавших Москву «мешочников» — несчастных людей, непонятно как тащивших на себе огромные горы запасов продовольствия, по меньшей мере на неделю.

В Сузале нас встретил тамошний архимандрит отец Валентин, все для нас уже устроивший. В годы Перестройки он скандально прославился из-за своего перехода вместе со всем приходом в ведение Зарубежной Православной Церкви. Весь скандал полыхал из-за отказа отца Валентина писать «отчеты» высшему церковному руководству о встречах с иностранцами.

Отец Валентин отказывался писать отчеты уже много лет, но почему-то только в эпоху зрелой Перестройки этот вопрос достиг такой остроты, что был поставлен перед отцом Валентином ребром.

Но «черные метки» против имени отца Валентина копились, конечно, издавна. И наверняка можно сказать, что несомненным «черным метком» он был обзван своим поведением во время приезда Бёллей в Сузаль.

Мы побеседовали у него, положили немного и, прикинув по часам, что Бёлли должны уже быть на месте, отправились в интуристовский гостиничный комплекс, где договорились с ними встретиться.

СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ

Нельзя не сказать о сильном и неистребимом чувстве чего-то неадекватного, которым как-то сразу повеяло от унылых, темных и пустых коридоров тусклого цвета, больше похожих на окаменевшие книжки, от общей

Бёлль интересовался у отца Валентина, чем живет население Сузаль.

«А огуречники», — ответил отец Валентин, — что могут, выращивают на огородах на продажу и для себя». Возник легкий спор, как перевести на немецкий слово «огуречники». Наконец, отец в приливе вдохновения выпалил: «Гюркистен!» — и семья Бёллей развеселилась, отлично все поняв.

Вобщее Бёллю о многом интересно было поговорить с отцом Валентином, он рассказывал его о церковных делах, о том, как сам отец Валентин, будучи священником, относится к тем или иным проблемам. Помню его вопрос о том, как в условиях советской действительности церковь понимает слова «всякая власть от Бога», и очень интересный ответ отца Валентина. Не привожу этого куса разговора, потому что, мне кажется, об этом должен рассказывать только сам отец Валентин, тут нельзя даже полсочка воспроизвести неточно.

К сожалению, эти беседы все время прерывались многочисленными вторжениями. Самые разные и странные люди появлялись в садик и доказывали, что им нужно часок поспать у отца Валентина, чтобы поговорить с ним по душам. Он их всех вежливо, но твердо выставлял, внутренне все больше накалялся. Когда он пошел открывать дверь на очередной звонок, где-то после обеда, то был уже довольно сердит. Мы услышали, что на этот раз он говорит вполне резко. Вернулся он хмурым, вздохнул и сказал: «Выставил-таки стукача», — потом покаянно перекрестился и изложил другим тошотом, — прости меня, Господи, за эти слова...»

Выяснилось, что на сей раз рвался один из представителей Русской Православной Церкви при ООН — человек, с которым отец Валентин сколько-то дружил лишь много лет назад, до отъезда того в Америку на постоянную работу. И теперь этот человек отчаянно убеждал отца Валентина, что, нежданно оказавшись на несколько дней в Советском Союзе, очень хочет провести целый день с дорогим отцом Валентином, поэтому первым делом и приехал к нему.

Учитывая все обстоятельства, я могу твердо сказать: отец Валентин превратил себя в тот шит, который наглухо прикрыл семью Бёллей от многих предярг на время их пребывания в Сузале.

На следующий день, во вторник 31 июля, мы с раннего утра забрали семью Бёллей в гостиницу и привели их в дом отца Валентина. Уже были заказаны два такси, чтобы довезти до Владимира, посмотреть город и сесть на поезд. Отец Валентин горло сообщил нам, что встал в пять утра, чтобы сделать свои бесподобные мыльные шарик в русской печи — вообще поваром отец Валентин был фантастическим (таким и сейчас остался, подпитавшись до архиепископского сана).

Когда мы позвартались и пришли такси, у отца Валентина глаза округлились: это были машины «спецзаказа», без шашечек и с запертыми окнами, с черными стеклами. Хотя отец Валентин заказывал такси на свой адрес и на свое имя и никаких особых машин не ждал.

Мы проехали во Владимир через церковь Покрова на Нерли. Километра за два от церкви было нечто вроде перегораживающего дорогу шлагбаума — длинный корявый брус, охраняемый настолько заманотной в платки и шали теткой, что определить ее возраст было невозможно. Как выяснилось, доктор приказал перекрестить председателю кохоза: он считал, что многочисленные туристские машины и автобусы портят поля. Отсюда надо было идти пешком. Никакие уговоры на тетку не действовали. Когда ей объясняли, что у Генриха Бёлля больные ноги и он просто не пройдет такое расстояние по бездорожью (по возвращении из СССР Бёллю ведь пришлось делать ампутацию обеих ступней), она заныла пердливало свое: «Председатель приказал, а больше ничего не знаю».

Неожиданно вырвался один из шоферов, сказавший: «Да ты на себя потягали! Вся неприбранная, морда перекошенная, а у меня иностранцы в машине, а у иностранцев фотоаппараты. Вот сейчас шелкнут тебя — приятно тебе будет, если твоя фотография в таком виде в западном журнале появится?» Тетка подумала немного, но женское начало в ней явно взяло верх. Она присмирлалась, подняла шлагбаум и сказала: «Божья кара».

Возле церкви в объектив фотоаппаратов попал сам Бёлль. Одновременно с нами пошла группа говоривших по-немецки туристов (из ГДР, как выяснилось). Один из них увидел Бёлля, оцепенел, потом робко подошел и спросил неуверенно, можно ли ему сделать фотографию своего любимого писателя. Бёлль улыбнулся и сказал: «Можно». Тот отошел так, чтобы снять Бёлля на фоне церкви, и несколько раз нажал кнопку. Углубив это, остальные туристы кинулись к нам, на ходу вытаскивая аппараты. На некоторое время Бёлль оказалась в окружении сплошных шелчков и фотоспыхек.

Оттуда мы поехали во Владимир, осмотрели город и двинулись к привокзальной площади, где Бёлль должна была встретить с обратными билетами дама из «Интуриста», чтобы посадить их в купе проходящего через Владимир скорого поезда. Там нас ждал самый удивительный сюрприз. Встретившая Бёллей дама сообщила, что «Интуристу» не удалось взять купейные билеты, поэтому куплены четыре билета на обычную электричку, которые она и вручает Бёллю. С тем она мгновенно упорнула.

Все это ни в какие ворота не лезло. Поезда в электричке строгаише запрещалась всеми правилами, регламентирующими передвижение иностранцев за пределами пятидесятикилометровой зоны вокруг Москвы. За такую «самостоятельность» работники «Интуриста» могли запросто потерять работу (по меньшей мере, если не хуже). И если при поездке в Загорск эти правила соблюдались до строгого, что Бёллю не дали победать, то почему на сей раз они были так грубо нарушены? Кроме того, билеты были заранее, еще в Москве, заказаны и оплачены — как они могли испариться? И оплачены они были в долларах — а долларовая «бронь» на билеты безтоказно действовала всегда, и по этой «бронь» билетов было с избытком.

В довершение всего, когда Бёлль стоял, растерянно держа в руках билеты на электричку, из кассы вокзала появилась отец Валентин, спокойно и без всякой очередей взявший купейные билеты всем нам, чтобы мы хотя бы ехали в одном с Бёллями поезде, если не в одном вагоне! Тут мы тем более остолбенели.

(Надо сказать, что, вернувшись в Москву, Бёлль вызскал с «Интуриста» 50 долларов за непредоставленные билеты; пусть это была не вся сумма, но все равно Бёлль считал это страшной мутью и был очень доволен собой.)

Мы вышли на перрон к электричке. То, что мы там увидели, ужасило всех. Даже у Бёлля впервые округлились глаза. Перрон — хоть и в будущий день — был забит людьми, рвавшимися в Москву за продуктами. Едва

подали поезд, как вся эта толпа, сбивая друг друга с ног, кинулась в открывшиеся двери, моментально забив даже тамбуры. Стало ясно, что со следующей электричкой будет то же самое. И что больному человеку ехать в такой электричке нельзя, даже если удастся его в нее посадить.

Пока мы торчали на платформе, не зная, что предпринять, отец Валентин предпринял самые активные действия. Сперва он обратился в диспетчерскую будку при стоянке такси, нельзя ли оформить срочный заказ на две машины на поездку до Москвы. Баба-диспетчерша просто наорала на отца Валентина, не считаясь с его саном: мол, заказ на поездки за пределы Владимирской области надо оформлять как минимум за сутки, и пусть не пытается обойти существующие правила! Тогда отец Валентин из ближайшего таксофона позвонил полномочнейшему по делам репутит Владимирской области (очень крупная должность в советские времена). У отца Валентина сложилось впечатление, что тот заранее ждал его звонка. На первые же слова о неприятностях со знаменитым писателем Бёллем и необходимости организовать для него машину полномочнейший ответил, что сейчас постарается что-нибудь придумать.

И придумал на удивление быстро. Буквально через пять минут одна из черных «Волг», доставивших нас из Сузаль во Владимир, стояла на привокзальной площади, возле самой платформы. Вторая, как объяснил шофер (тот самый весельчак, который пристыдил тетку у шлагбаума), уже отправился выполнять другое задание... Представьтесь себе наше изумление, когда в момент нашей высадки в ваке раскраснелся таксист, указав на шоферов доставивших нас в Сузаль «своих» машин. «Что, не смогли стать на электричку? Так давайте я отвезу наших гостей прямо в Москву!» Мы объяснили ему, что машина только одна, мы все в нее не поместимся, а поедем мы только вместе. Шофер возразил, что это проблема решаемая — надо взять одно из тех такси, что стоят на привокзальной стоянке. Полощеший отец Валентин напомнил ему, что поездка предстоит за пределы Владимирской области... Шофер ответил, что это тоже не проблема, пошел к первому же из жаждущих на стоянке водителей. «В Москву поедешь?» — «Да я бы с радостью», — ответил тот (еще бы не с радостью, ведь поездка стоила бы не меньше 50 рубль). Наш шофер увел таксиста в диспетчерскую будку, и они вышли оттуда буквально через несколько секунд: ошарашенный таксист держал в руке раскрасневшийся шофер, а шоферов доставивших нас в Сузаль — к его изумлению, ему выдали без единого вопроса и без ругани. Мы благополучно отчалили и без дальнейших приключений добрались до Москвы.

ПРОЩАНИЕ

В Москве Бёлль провел еще два дня, заполненных тем же несметным количеством дел, торжественных обедов и ужинов и постоянным «соросом» с нашими идеологами. В Сузаль. Но теперь Бёлль был победителем на виду. Копелев либо мой отец, либо еще кто-то из друзей находились при нем не отлучно, питался Бёлль в основном у друзей, все к тому времени наладивших, поэтому для всяких неприятных эпизодов и провокаций, крупных и мелких, не оставалось пространства.

Завтра мы провозжали Бёллей в аэропорту «Шереметьево». За последние сутки перед отъездом Бёлль, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла из отоманской ступени, прошла подосмотр женщины, вылетавшая в туристской группой в Венгрию. Провожал ее коренастый мужичок средних лет, выглядящий достаточно солидно, уверенный в себе. На груди у него болталась карточка журналиста, аккредитованного на Спартакиаде народов СССР.

Таможенничка с довольно бразильным видом вылезла